

То и дело пригибаясь, чтобы уклониться от низко растущих жестких и корявых ветвей, Чанся бойко пробирался сквозь лесную чащу. Стоило ему выбраться на открытую поляну, как он первым делом поправил съехавшую набок плетеную бамбуковую шляпу-доули.

— Гав!

Звонкий собачий лай эхом раскатился по лесу. В ту же секунду в кустах послышался шорох, и из густой травы выскочил крупный, гладкошерстный и сильный белый пес.

Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа шагали не спеша, оттого лишь теперь поднялись на поросший лесом склон.

Они шли, внимательно оглядывая окрестности в поисках лесных грибов, древесных ушек или чего-нибудь съестного.

Белый пес трусил вслед за Чанся к глубокому логоу, то и дело повиливая хвостом и увлеченно обнюхивая каждую кочку.

Приметив впереди густые заросли зеленой лозы, Чанся ускорил шаг. Он раздвинул сочные листья и увидел прячущиеся под ними гроздья диких ягод — незрелые плоды висели плотными связками, зеленые и твердые на ощупь.

Заметив среди них нежно-пурпурные, спелые ягоды, он выудил из бамбуковой корзины ножницы и со шелканьем — «Чик!» — принялся аккуратно срезать гроздья у самого стебля.

Лоза у этих ягод была довольно толстой и волокнистой: коли обрывать их ногтями или пытаться с силой отломить пальцами, намучаешься, да и ногти до крови сорвать можно. С ножницами дело шло куда скорее.

Эти дикие плоды в длину не превышали ногтя на большом пальце. Созревая, они становились бледно-лиловыми, мягкими и слегка упругими при нажатии. На одной веточке обычно созревало по семь-восемь штук, отчего в народе их и прозвали — гроздевые ягоды.

Растут такие плоды обычно по оврагам да на солнечных склонах холмов. Эту ягодную поляну они с Пэй Яо заметили еще несколько лет назад и с тех пор хранили тайну свято, не проболтавшись никому, кроме своих домашних.

Горы Цинмэй вовсе не были одинокой вершиной — они тянулись длинной, утопающей в зелени горной цепью.

С этих высот брала свое начало река Цинмэй. Она бурным потоком спускалась к подножию холмов, а после плавно несла свои воды на восток. Вдоль её берегов и на открытых равнинах у подножия гор, словно жемчужины на нитке, теснились многочисленные деревни.

Деревня Ваньэр раскинулась у самого подножия хребта. Из поколения в поколение здешние жители кормились да промышляли дарами этих гор.

Ныне на ближних склонах еще можно было набрать сочной дикой зелени или накосить травы для скота, но вот лесных ягод, целебных кореньев да дичи на прилегающих к деревне холмах заметно поубавилось. Разве что самому удачливому счастливчику удавалось за заметить нетронутый куст раньше других и собрать плоды в свой плетеный короб.

Коли хотелось набрать лесных припасов побольше, да чтобы на продажу в город хватило,

приходилось углубляться в самую глухую, дикую чащу.

Срезая ягоды, Чанся вдруг приметил на ветках свежие заломы. Было ясно, что кто-то уже похозяйничал здесь до него. Судя по усохшим и пожелтевшим кончикам оборванных стеблей, чужак побывал на поляне несколько дней назад.

Этот небольшой овраг лежал довольно глубоко в лесу, но потайным местом все же не являлся, так что ничего удивительного в том, что его отыскал кто-то другой, не было.

Гроздевые ягоды считались едва ли не самым лакомым диким плодом в здешних краях: сока в них было немного, зато мякоть отличалась медовой сладостью, отчего городские жители охотно раскупали их за хорошую цену.

Они с Пэй Яо, отыскав это место, помалкивали, ну и другие сборщики, понятное дело, трубить о своей находке на весь свет не стали.

Слава предкам, им не попался лихой да завистливый человек, который, обобрав спелые гроздья, под корень вырубает всю лозу, дабы другим ничего не досталось. В прежние годы им, увы, доводилось сталкиваться с подобной людской злобой.

Руки Чанся порхали с удивительной быстротой, и вскоре все спелые лиловые ягоды до единой были срезаны.

Дно бамбуковой корзины он загодя выстлал широкими свежими листьями тростника — так ягоды оставались чистыми и не пачкались о прутья.

Приподняв корзину, Чанся довольно прищурился: сегодня удача улыбнулась ему, здесь было никак не меньше трех цзиней доброго товара.

Вдруг он заметил, что белый пес замер перед густым малинником и преданно преданно заглядывает ему в глаза. Почувяв взгляд хозяина, пес негромко заскулил — «У-у-у».

Стоило Чанся подойти ближе, как пес завилял хвостом, словно выпрашивая похвалу за верную службу, и звонко тьякнул несколько раз.

Раздвинув колючие ветки, Чанся ахнул: внутри все было усыпано гроздьями ярко-красных лесных ягод. Он ласково потрепал пса по загривку и радостно воскликнул:

— Сяо Бай какой же ты у меня умница!

Белый пес от радости принялся прыгать да носиться кругами, забавно тряся мохнатыми ушами.

Чанся согнулся в три погибели, пробираясь под кусты, и принялся осторожно обрывать ягодные веточки. Ножницами в такую гущу было не подлезть, так что приходилось действовать руками — аккуратно поддевать да отламывать ногтями.

Лето уже клонилось к закату, и пора обильного сбора осенних плодов еще не наступила. В отличие от гроздевых ягод, эти маленькие красные плоды дружнее всего созревали с первыми осенними холодами.

Чанся набрал едва ли полную горсть, как спелые ягоды закончились — на ветках остались лишь совсем крошечные, вяжущие зеленые бусины.

Он взял несколько штук, старательно потер их подушечками пальцев, очищая от лесной пыли, и отправил в рот. Кожица ягод слегка вязала, а сочная мякоть оказалась кисло-сладкой, с явной кислинкой. Едва уловимая сладость сменялась густой кислотой, но в этом терпком вкусе таился ни на что не похожий, тонкий лесной аромат.

Иной человек поморщился бы от такой ядреной кислинки, но находились и любители, ценившие эти ягоды именно за их благоухающую свежесть.

Заметив, что пес сидит, задрал голову, и усердно облизывается, Чанся улыбнулся и бросил ему парочку ягод.

Белый пес на лету поймал угощение. Он принялся жевать очень старательно, катая ягоды языком из стороны в сторону и раскусывая их коренными зубами. В то же мгновение от нестерпимой кислинки вся его собачья морда забавным образом сморщилась в комок.

Чанся не выдержал и весело рассмеялся. Потрепав пса по голове, он двинулся дальше в глубь оврага, высматривая новые ягодные кусты.

Когда Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа наконец нагнали его, юноша успел отыскать уже третий вид диких плодов. Опасаясь ссыпать их в общую корзину, дабы не раздавить лежащие на самом дне гроздевые и красные ягоды, он бережно выкладывал сочную черную ежевику на широкие древесные листья. Рядом с ним уже высилась приличная горка темных, глянцевого цвета ягод.

— Ох, сколько же ты сегодня набрал! — всплеснула руками Доу Цзиньхуа.

Она поспешно подошла, присела на корточки и, аккуратно ухватив края листьев, бережно перенесла всю кучку вместе с подложкой в свой пустой лоток.

Чэнь Чжи опустил на траву свою корзину и уселся рядом с приемышем перед кустами, помогая спору собирать спелую черную ежевику.

Эти иссиня-черные лесные ягоды отличались отменным вкусом, а поскольку в этом логу они созрели дружно и обильно, папа так и расплылся в довольной улыбке:

— Ну и денек сегодня, удача прямо-таки идет к нам в руки! Как раз вовремя поспели. Приди мы парой дней раньше — застали бы одну зелень, а опоздай на самую малость — ягоды либо сгнили бы от росы, либо их чужаки обобрали бы.

«Шлеп!»

Чанся точным ударом прихлопнул комара, усевшегося на его левую руку, смахнул его и как ни в чем не бывало продолжил собирать ягоды.

Богатый сбор не мог не радовать душу, и он с улыбкой промолвил:

— Гроздевых ягод тоже много набралось. А вот красные только-только созревать начали, их совсем капля. Если бы не Сяо Бай, я бы их и вовсе в траве не заметил.

Чэнь Чжи заглянул в стоящую рядом корзину и, убедившись, что нежно-лиловых плодов там и впрямь с избытком, весело отозвался:

— Мы с твоей бабушкой грибов сегодня нашли с гулькиным носом, так что давай-ка приналяжем на ягоды. Соберем побольше, а после полудня твой отец отвезет их на городской рынок, пока они

свежие да крепкие.

— Угу, — отозвался Чанся, бережно опуская очередную пригоршню черной ежевики в лоток.

Сегодня для похода в лес они прихватили с собой две вместительные бамбуковые корзины за спину — для Чэнь Чжи и Чанся, а Доу Цзиньхуа несла в руках два глубоких лотка. Так им удалось разложить разные ягоды отдельно, не помяв нежный товар.

*

За поисками лесных даров незаметно пролетело всё утро. Когда они воротились домой, солнце уже стояло в самом зените. Пэй Яо давно вернулся из города и даже успел дважды сбежать на луг да набить два полных короба сочной травы для свиней.

Проведя в лесу без малого четыре часа, Чэнь Чжи изголодался так, что у него сводило желудок. Стоило ему переступить порог, как он первым делом направился к огороду, сорвал добрую охапку водяного шпината и крикнул Чанся, чтобы тот принес несколько свежих огурцов да пучок стручковой фасоли.

Доу Цзиньхуа тоже проголодалась, оттого поспешно засемила на кухню, дабы развести огонь и согреть глубокую сковороду.

Втроем они споро перебрали и вымыли овощи, так что простой обед был готов в одно мгновение.

На столе исходили паром тушеная стручковая фасоль, ароматный обжаренный водяной шпинат и большая миска с соломкой из соевого сыра тофу, перемешанной с хрустящими огурцами. Из пароварки достали пышущие жаром пшеничные лепешки. Рисового отвара варить не стали — коли кого жажда замучит, можно было просто испить колодезной воды.

Пэй Юва с остальными проголодаться толком не успели — они загодя перекусили мягкими рисовыми лепешками, оттого ели не спеша.

Чанся же, держа в одной руке пышную лепешку, а в другой — бамбуковые палочки, уплетал обед за обе щеки.

Лишь когда в желудке приятно потеплело, он наконец перевел дух и откинулся на спинку скамьи.

Вскинув взор, он наткнулся на пристальный взгляд Пэй Яо. Парень едва заметно вскинул брови, и на губах его заиграла тонкая, едва уловимая усмешка.

Рука Чанся с лепешкой на миг замерла. Он поспешно опустил глаза и молча откусил еще один огромный кусок — в конце концов, набить желудок было куда важнее, чем спасать лицо.

Среди деревенских тружеников отродясь не водилось привередников в еде — разве что человек питал к какому-то блюду крайнее отвращение. А уж после тяжелого трудового дня любая простая похлебка казалась слаще княжеского пира.

Справившись с последним куском лепешки, Чэнь Чжи достал из-за пазухи чистый платок, утер губы и, повернувшись к супругу, промолвил:

— Сегодня нам знатно повезло с лесной ягодой. Как только спадет полуденный зной, забирай

корзины да вези в город на рынок, пока товар свежий.

После чего перевел взгляд на сына:

— Силы бежать ещё есть?

Пэй Яо как раз поднялся из-за стола и, услышав слова папы, бодро отозвался:

— В город-то? Да чего мне сделается, добегу в один миг.

Чэнь Чжи кивнул:

— Вот и ладно, ступай вместе с отцом.

— Понял, — отозвался Пэй Яо и украдкой покосился на Чанся.

Папа наградил его строгим взглядом и спросил:

— Птичью клетку-то свою продал сегодня?

— Продал, — скрывать Пэй Яо не стал. — Сегодня решил попытать удачу и запросил подороже — по пятьдесят вэней за штуку. И надо же, подвернулся мне молодой господин в шелковом халате. Сказал, у него младший братец до таких безделушек страсть как охоч. Забрал и клетку, и гнездо разом, да выдал целый цянь серебра мелким слитком.

Пресвятые угодники, целый цянь за пару деревяшек!

Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань невольно переглянулись, подумав об одном и том же: «И куда только городские богачи деньги девают? За сущую детскую забаву выложить целый цянь серебра — рука ведь не дрогнула!»

(1 лян (两) — главная крупная мера (около 37,3 грамма серебра).

1 цянь (钱) — это 1/10 часть ляна. То есть около 3,7 грамма серебра.

1 цянь серебра (около 3,7 грамма) стоил примерно 100 вэней.

50 вэней — это ровно пол-цяня серебра (около 1,8 грамма серебра))

Кабы эти сто вэней попали к ним в руки, они бы накупили два цзиня жирной свинины да несколько кругов свежего тофу, и вся семья сытно питалась бы добрую декаду.

Пэй Юва, который в своих торговых поездках навидался всякого, лишь понимающе усмехнулся. Он прекрасно ведал, что для знатных городских родов этот несчастный цянь серебра — тьфу, на один глоток чая в хорошей ресторации не хватит. Богачи такие траты и за расходы-то не считают.

Но в душе отец гордился сыном: «Гляди-ка, шустрый какой вырос! Из простой чурки ухитряется монету добывать — стало быть, не пропадет в жизни, ремесло в руках имеется».

Чэнь Чжи снова зыркнул на сына, собираясь, по-видимому, потребовать выручку в общую казну, но хитрый Пэй Яо, весело ослабившись, зашагал к дверям, заговаривая папе зубы:

— До отправления в город еще есть немного времени, так я, пожалуй, успею вытесать основу

для нового птичьего гнезда.

Не успел Чэнь Чжи и рот открыть, как парня и след простыл.

— Упрямый чертенок! Совсем от рук отбился, почуял монету в кармане — и давай тратить на всякую дурь! — в сердцах выбранился папа, но отбирать серебро силой не пошел.

Раз уж парень сам ухитряется зарабатывать, пускай себе покупает новые долота да резцы по дереву — мешать ему Чэнь Чжи не станет.

Хозяйничая на кухне, Чанся перемывал бамбуковые палочки да миски. Слыша доносившиеся со двора голоса, он проникался к названному брату всё большим уважением.

Он с малых лет знал, что Пэй Яо питал нежную страсть ко всяким красивым и диковинным вещцам. Помнится, лет в семь-восемь мальчишку из дома было не выкурить — всё так и вился у ворот старого деревенского плотника, часами завороженно глядя, как из-под его струга летит пахучая стружка. Кто же знал, что, повзрослев, парень переймет это мастерство и руки у него станут такими искусными?

Возьмет, бывало, невзрачный обрезок полена, поорудует пару дней маленьким ножичком да кривым долотом — и на свет является удивительная, живая деревянная пичуга, на которую любо-дорого взглянуть.

Слив воду со свежавымытых чашек, Чанся аккуратно сложил их стопкой на полку, а палочки опустил в резной короб. После чего присел перед очагом и подкинул в топку охапку сухих веток.

Поднявшись, он принялся споро крошить на широкой доске дикий ямс и пару сорванных в лесу кормовых белых тыкв, каждая размером с хорошее блюдо.

В лесных припасах надобно было разбираться досконально, иначе недолго и беду навлечь. К примеру, если у дикой белой тыквы стебли покрыты жестким белым пушком — такую лозу свиньям давать ни в коем случае нельзя, она ядовита.

На корм скоту годились исключительно те тыквы, чьи плети оставались гладкими и чистыми.

Коли сварить эти плоды в глубоком котле, да замешать туда добрую пригоршню бобовой сечки с отрубями — свиньи такую похлебку уплетали за милую душу, вмиг набирая жир со свининой.

«Надо же, бобовая мука в ларе совсем на донышке осталась, — прикинул про себя юноша. — Ежели сегодня у отца выдастся свободная минутка, надобно попросить его смолотить мешок-другой на ручном жернове».

За этими мыслями о домашних хлопотах он не заметил, как на кухню тихонько вошел Пэй Яо.

В руках парень держал надорванный бумажный сверток со сладостями. Остановившись в паре шагов от Чанся, он вытянул руку и негромко промолвил:

— Вот, держи. Это бобовые пирожные из лавки купца Юня. Я у ворот половину бабушке с папой отдал на пробу, а эту часть тебе принес. Покушай.

Рука Чанся с тяжелым секачом так и замерла в воздухе. Он удивленно вскинул взор на названного брата, после чего несмело протянул ладонь и принял заветный сверток.

Пэй Яо уходить не спешил. Он впервые в жизни покупал для Чанся городские лакомства, оттого сейчас испытывал сильное смущение и решительно не знал, о чем толковать дальше.

В тесной кухоньке воцарилось неловкое молчание.

Потоптавшись на месте, парень наконец выдал из себя:

— Ну... чего стоишь? Попробуй, вкусные ведь.

Чанся опомнился и торопливо закивал головой:

— Угу, сейчас попробую.

Бобовый коржик оказался на диво рассыпчатым и нежным: он буквально таял на языке, оставляя приятную сладость без излишней приторности, и пах свежим, хорошо проваренным махом. Настоящее городское лакомство, куда изысканнее простых домашних лепешек!

По сравнению с теми рисовыми колобками, что они пекли дома, угощение из лавки Юня было куда мягче и слаще.

— Ну как, по нраву пришли? — с надеждой спросил Пэй Яо.

Чанся со всей искренностью кивнул и тихонько промолвил:

— Очень вкусно.

Пэй Яо задорно вскинул брови, но тут же поспешил скрыть промелькнувшую на лице радость. Отведя взгляд в сторону и приняв самый безразличный вид, он небрежно бросил:

— Ну и ладно. В следующий раз, как буду в городе, еще привезу.

В главном зале.

На широком глиняном блюде лежало шесть аккуратных бобовых пирожных.

В лавке купца Юня сласти продавали наборами — ровно по двенадцать штук в одном бумажном свертке. Сами кусочки были небольшими, так что голодный человек мог проглотить такой коржик в один укус.

Доу Цзиньхуа откусывала по маленькому кусочку, не переставая нахваливать угощение:

— Ох, до чего же сладко, до чего же нежно! Отец, ну-ка отведай тоже, внук ведь из самого города принес, старался!

Пэй Цзаоань подошел к столу, взял один коржик, и все его старческие морщины разгладились в довольной улыбке.

Прежде-то старший внук, едва раздобыв монету, тратил её на всякую ерунду — то костяной резец купит, то долото хитрое, на какие смотреть можно, а в рот не положишь. А теперь вишь как — вырос парень, поумнел, о стариках печется, гостинцы в дом несет!

И пускай старики прекрасно видели, что добрую половину свертка Пэй Яо утащил на кухню, дабы отдать Чанся с глаза на глаз, они ничуть не обиделись, сочтя внука на редкость почтительным и заботливым сыном.

Чэнь Чжи тоже съел одно пирожное. Он сидел у окна, то и дело поглядывая во двор. Лишь когда фигура Пэй Яо показалась на пороге кухни, папа удовлетворенно откинулся на спинку скамьи и принял благообразный вид.

<http://bllate.org/book/17875/1730697>